ПРАВО

Научная статья
УДК 343.3
doi: 10.17223/15617793/512/24

Некоторые аспекты совершенствования понятийно-категориального аппарата для расследования преступлений с участием «дропов» и «дроповодов» в цифровой среде

Анна Львовна Боренштей[1], Юрий Станиславович Кухарев[2], Константин Геннадьевич Балашов[3]

[1, 2] Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия
[3] Адвокатская контора Краснoперекопского района г. Ярославля (Ярославская областная коллегия адвокатов), Ярославль, Россия
[1] annalbor@yandex.ru
[2] yurij.kuharev@yandex.ru
[3] balashoffkonstantin@yandex.ru

Аннотация. Обоснована необходимость совершенствования понятийно-категориального аппарата для эффективного расследования преступлений, совершаемых с использованием «дропов» и «дроповодов» в цифровой среде. Проведен анализ существующих подходов к определению данных терминов в юридической науке и практике правоохранительных органов. Выявлены пробелы и неоднозначности в действующем законодательстве и правоприменительной практике, затрудняющие квалификацию и расследование подобных преступлений. Предложены рекомендации по разработке четких легальных определений понятий в сфере киберпреступности. Намечены направления интеграции указанной терминологии в профессиональный лексикон юридических специалистов в условиях цифровой трансформации общества.
Ключевые слова: дроп, дроповод, цифровая среда, киберпреступления, расследование преступлений, понятийно-категориальный аппарат, грей карта, мошенничество

Для цитирования: Боренштей А.Л., Кухарев Ю.С., Балашов К.Г. Некоторые аспекты совершенствования понятийно-категориального аппарата для расследования преступлений с участием «дропов» и «дроповодов» в цифровой среде // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 223–232. doi: 10.17223/15617793/512/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/512/24

Refining the conceptual and categorical apparatus for investigating crimes involving drops and drop handlers in the digital environment

Anna L. Borenstein[1], Yuriy S. Kukharev[2], Konstantin G. Balashov[3]

[1, 2] Southwest State University, Kursk, Russian Federation
[3] Law Office of Krasnoperekopsky District of Yaroslavl, Yaroslavl, Russian Federation
[1] annalbor@yandex.ru
[2] yurij.kuharev@yandex.ru
[3] balashoffkonstantin@yandex.ru

Abstract. The subject of the research in the article is the debatable issues concerning the nature and legal status of "drops" and "drop handlers" in the context of investigating crimes in the digital environment. The primary emphasis is placed on the need to refine the conceptual and categorical apparatus to effectively counter new forms of cybercrime. The aim of the article is to substantiate the need to develop and clarify the terminological base used in the investigation of crimes involving "drops" and "drop handlers", to identify gaps and conflicts in the current legislation, and to propose directions for their elimination and integration of relevant concepts into the professional lexicon of legal professionals. The study is based on the analysis of existing scientific approaches to the definition of key concepts related to the phenomenon of "drops", materials of law enforcement practice, as well as data obtained by the authors in the course of empirical research of specialised shadow Internet platforms used to organise criminal activity in this area. The methods of formal logic, semantic analysis, classification, statistical processing of data, as well as the comparative legal method were used in the process of work on the article, which allows comparing the approaches of various researchers to the interpretation of the categories under consideration and to develop the most optimal definitions. Based on the results of the study, the authors conclude that the existing conceptual and categorical apparatus is insufficient and incomplete to adequately reflect the specifics of crimes committed with the use of "drops" and "drop handlers" in the digital environment. There

is terminological uncertainty and a lack of unity in the interpretation of basic concepts, which significantly complicates the qualification of the relevant acts and the development of effective countermeasures. Based on empirical data, a classification of "drops" is proposed, which includes categories such as "non-scam-able" and "scam-able", with the specific characteristics of each type described. The typical requirements for candidates for the role of "drop handlers", their functional responsibilities, and the criminal methods they employ were analyzed. Particular attention is paid to the examination of such specific concepts characteristic of the cybercrime domain as "grey card", "manual", "pour", and "seeds". Their content and role in the mechanism of criminal activity are described, and the authors' definitions for these terms are proposed. It is noted that the state of legal regulation in the sphere of countering crimes involving "drops" and "drop handlers" is not sufficient and does not correspond to modern challenges of information society, which substantiates the need for the development and consolidation of clear legal definitions of the relevant concepts, their harmonisation within the framework of an intersectoral approach.

Keywords: drop, drop handler, digital environment, cybercrime, crime investigation, conceptual framework, grey card, manual, fraud

***For citation*:** Borenstein, A.L., Kukharev, Yu.S. & Balashov, K.G. (2025) Refining the conceptual and categorical apparatus for investigating crimes involving drops and drop handlers in the digital environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 223–232. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/24

Общая характеристика категориально-понятийного аппарата юриспруденции основывается на взаимосвязанном использовании категорий, понятий и терминов в языке права. Ядром данной системы являются терминологические единицы, представляющие собой точное, фиксированное обозначение определённых понятий или категорий, которые отражают основные признаки и свойства объектов правовой реальности [1. С. 218].

Категориально-понятийный аппарат юриспруденции представляет собой систематизированное множество концептуальных инструментов, которые обеспечивают теоретическое осмысление и практическое применение норм права [2. С. 139]. Этот аппарат включает в себя категории, понятия, термины и дефиниции, которые формируют основу юридической науки и правоприменения. Он выполняет функцию когнитивного инструмента общей теории государства и права, содействуя всестороннему пониманию и анализу правовых явлений, институтов и процессов.

Познавательное значение категориально-понятийного аппарата заключается в его универсальности и способности адаптироваться к изменяющимся условиям социального и правового контекста. Категории и понятия выступают в роли своеобразных «строительных блоков», из которых формируется правовая реальность, описываемая общетеоретическими моделями и методами [3. С. 35]. Они позволяют систематизировать и классифицировать сложные правовые явления, устанавливая связи между различными правовыми нормами и институтами. Такая систематизация способствует более глубокому пониманию природы права, его содержания и функционирования в обществе.

Особое внимание в структуре категориально-понятийного аппарата следует уделить разграничению значения таких категорий, как «термин» и «дефиниция». Несмотря на их взаимосвязь, данные понятия играют различные роли в правовой теории и практике. Термин в юридическом контексте – это слово или словосочетание, обладающее четко определенным значением и предназначенное для обозначения специфического правового понятия [4. С. 75]. Термины служат лексическим средством передачи правового знания, обеспечивая точность и недвусмысленность юридического языка [5. С. 156]. Они необходимы для эффективной коммуникации в правовой сфере, позволяя специалистам точно и однозначно выражать свои мысли в процессе правотворчества и правоприменения.

Дефиниция, в свою очередь, представляет собой зафиксированное определение, раскрывающее содержание термина и являющееся его лексическим эквивалентом [6. С. 45]. Это логический инструмент, который используется для формулирования и уточнения смысла правового термина, обеспечивая его концептуальную ясность. Дефиниции помогают правоведам четко разграничивать границы понятий, минимизируя риск их двусмысленности и интерпретационных ошибок. Таким образом, дефиниции способствуют более глубокому пониманию и осмыслению правовых понятий, что имеет решающее значение для научных исследований и правоприменительной практики.

Отметим, что в основании категориально-понятийного аппарата лежат фундаментальные категории, такие как «право», «государство», «норма», «правоотношение», формирующие каркас общетеоретического понимания государства и права [7. С. 37]. Эти базисные категории позволяют юристам осмыслить сложные взаимосвязи между правовыми нормами, институтами и социальными процессами, создавая концептуальную основу для разработки новых теоретических моделей и инструментов [8. С. 30].

Развитие категориально-понятийного аппарата связано с эволюцией юридической науки и постепенным усложнением правовых систем. Каждое новое правовое явление требует своего осмысления и интеграции в существующую систему знаний, что накладывает необходимость адаптации и модификации категориально-понятийного аппарата. В этом контексте важную роль играет интердисциплинарный подход, позволяющий заимствовать теоретические инструменты из смежных наук, таких как философия, социология, политология, экономика. Такое взаимодействие способствует появлению новых категорий и понятий, обогащающих юридическую науку и расширяющих ее аналитический потенциал.

Профессор Н.П. Яблоков отмечал, что внедрение инноваций в сфере криминалистики должно осуществляться путем их органичной интеграции в уже сложившуюся систему научных категорий. Такая интеграция

должна основываться на едином научно-теоретическом фундаменте, включающем в себя четко определенные цели, задачи и объект исследования криминалистической науки. Это обеспечивает преемственность и согласованность методологических подходов в рамках дисциплины [9. С. 21].

Кроме того, любые новые положения и концепции должны опираться на проверенные временем основы и принципы, которые формируют фундаментальную структуру криминалистики. Соблюдение этих принципов гарантирует, что инновации не нарушат устойчивость научной парадигмы, а усилят и дополнят ее, способствуя дальнейшему развитию науки и практики.

Исходя из вышеизложенного, представляется целесообразным исследовать интеграцию новых понятий через призму криминалистической характеристики. Такой подход обеспечит их гармоничное вхождение в уже сложившуюся систему категорий криминалистической науки, учитывая ее методологические и теоретические основы. Анализ с позиции криминалистической характеристики позволит глубже понять сущность новых понятий и установить их место и роль в структуре науки, что будет способствовать развитию криминалистической теории и практики.

Впервые научный термин «криминалистическая характеристика преступлений» упомянут в трудах А.Н. Колесниченко [10. С. 14] и Л.А. Сергеева [11. С. 7], посвященных проблемам расследования отдельных видов преступлений. Однако Л.А. Сергеев и А.Н. Колесниченко не раскрыли в своих работах самого термина «криминалистическая характеристика преступления», только в 1975 г. И.Ф. Пантелеев впервые сделал это. Он считал, что криминалистическая характеристика конкретного вида преступлений – это «характеристика типичных ситуаций данного вида преступлений, наиболее распространенных способов их совершения, применяемых преступниками технических средств, характеристика типичных материальных следов, могущих иметь значение вещественных доказательств по уголовному делу, наиболее вероятностных мест их обнаружения, тайников, способов сокрытия следов преступления и других средств маскировки преступников, характеристика их профессиональных преступных навыков и преступных связей» [12. С. 26].

С учётом обширного спектра частных криминалистических методик формируется и соответствующее многообразие их криминалистических характеристик, которые, в целях систематизации и удобства практического использования, подразделяют на типовые, видовые и групповые.

Типовая криминалистическая характеристика формируется в качестве методологической модели, раскрывающей принципиальные признаки, функциональное значение и основные структурные элементы анализируемого феномена. В то же время видовые криминалистические характеристики преступлений представляют собой комплексное описание с позиций криминалистики конкретных деяний, обладающих признаками общественной опасности и наказуемости в соответствии с уголовным законом (например, краж, грабежей, разбоев, мошенничества и др.).

Групповые криминалистические характеристики представляют собой системно-аналитическую совокупность сведений о структуре, механизме и закономерностях совершения сходных преступных посягательств, рассматриваемых с позиций криминалистической науки. Данный блок данных служит основой для комплексного анализа и позволяет уточнять видовые криминалистические характеристики конкретных видов преступлений, учитывая характерные способы подготовки, реализации и маскировки противоправных действий, а также персональные особенности правонарушителей. Включение групповых характеристик в более широкие видовые криминалистические модели способствует повышению эффективности методик расследования и оптимизации доказательственного процесса, в том числе за счёт выявления и учёта специфических закономерностей и типичных признаков совершения данных преступлений.

В научной литературе аргументированно отмечается позиция Л.Л. Каневского, указывающего на недопустимость чрезмерно расширительного понимания криминалистической характеристики преступления. Такая трактовка способна воспринять чрезмерно широкий спектр составляющих: от выявления и описания свойств, признаков и черт конкретного вида противоправных посягательств до характеристики субъективной стороны (фактического содержания вины, мотивов, последствий), а также наиболее типичных доказательств и факторов, способствующих реализации преступного умысла [13. С. 62].

В то же время Л.А. Сергеев, раскрывая содержание криминалистической характеристики, выдвигает в качестве её основных элементов особенности способов совершения и характерных следов соответствующих видов преступлений, совокупность обстоятельств, отражающих специфику личности соучастников и их криминальных взаимосвязей, а также объективные факторы – время, место и обстановку совершения деяния, объект посягательства и систему взаимосвязанных условий, влияющих на формирование и реализацию преступного поведения [11. С. 12]. Такое понимание позволяет не только структурировать анализ преступных действий в рамках криминалистической теории, но и обеспечивает эффективность совершенствования методик расследования при учёте многообразия факторов, определяющих динамику и механизм совершения преступлений.

Среди научных исследований, посвящённых содержанию криминалистической характеристики преступления, выделяется концепция И.А. Возгрина, предлагающая методологическую схему анализа состояния и специфики противодействия разнообразным видам преступной деятельности. На раннем этапе своих научных изысканий он утверждал, что под криминалистической характеристикой отдельных категорий преступлений следует понимать всестороннее описание актуального уровня борьбы с ними и присущих им особенностей, выделяя следующие основные структурные элементы:

а) определение сущности указанных видов противоправных посягательств и общих уголовно-процессуальных аспектов, влияющих на особенности их расследования;

б) анализ состояния и значения комплекса мер, направленных на противодействие данным преступлениям;

в) криминалистическую классификацию соответствующих противоправных посягательств по способу их осуществления, характеристикам личности правонарушителей и признакам потерпевших [14. С. 43].

В 1984 г. И.А. Возгрин уточнил и дополнил предложенную структуру следующими положениями:

а) определение предмета исследования или круга обстоятельств, которые подлежат установлению в ходе расследования данных преступлений;

б) разработка специализированных рекомендаций, регламентирующих организацию расследования рассматриваемой категории противоправных действий [14. С. 67].

Согласно подходу Р.С. Белкина, криминалистическая характеристика преступления представляет собой сложное системное образование, включающее несколько взаимосвязанных компонентов. В частности, в её структуре выделяются:

– характеристика типичной исходной информации, формирующей основу для первоначальных следственных действий;

– совокупность сведений о способах совершения и сокрытия преступления, а также типичных последствиях, наступающих в результате их реализации;

– данные о личности предполагаемого преступника, в том числе вероятные мотивы и цели противоправного поведения;

– сведения о личности жертвы и характеристика предмета посягательства, позволяющие уточнить специфику криминальной ситуации;

– комплекс типичных обстоятельств, сопровождающих противоправный акт (место, время, обстановка), дающих возможность выявить особенности механизма преступления;

– факторы, которые способствуют совершению данного вида либо категории преступлений и оказывают влияние на формирование криминальной обстановки.

Все перечисленные компоненты рассматриваются в качестве взаимообусловленных и образуют целостную систему, обеспечивающую комплексный криминалистический анализ, что особенно важно при разработке и реализации методик раскрытия, расследования и профилактики преступлений [15. С. 42].

Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с использованием «дропов» и «дроповодов» в цифровой среде, представляет собой систему взаимосвязанных элементов, отражающих специфические особенности данного вида криминальной деятельности. Основываясь на представленном материале, можно выделить следующие ключевые элементы данной характеристики.

Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с использованием «дропов» и «дроповодов» в цифровой среде, представляет собой систему взаимосвязанных элементов, отражающих специфические особенности данного вида криминальной деятельности. Основываясь на представленном материале, можно выделить следующие ключевые элементы данной характеристики:

1. Способ совершения преступления. Преступные схемы с участием «дропов» и «дроповодов» реализуются посредством использования банковских счетов и карт, оформленных на подставных лиц. Организаторы противоправной деятельности «дроповоды» осуществляют подбор и координацию действий непосредственных исполнителей «дропов», обеспечивая функционирование преступной сети. Для сокрытия следов преступления применяются специальные методы, такие как «грей карта» (имитация легальной пользовательской активности) и использование анонимных SIM-карт («семечек»).

В англоязычной юридической практике подобных лиц именуют money mule («денежный мул») [16. С. 38].

Д.С. Гордеев, определяет «дропа» как физическое лицо, выступающее в роли номинального участника мошеннических схем. Данное лицо является ключевым звеном, ответственным за легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, с целью их последующего использования. Существует несколько разновидностей схем, в которых «дропы» участвуют тем или иным образом; иногда такие схемы намеренно усложняются для затруднения эффективного расследования преступления. Однако всех их объединяет общая цель – вывести незаконно полученные доходы в «теневую» экономику и придать правомерный вид владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенным преступным путем [17. С. 557].

Интеграция понятий «дроп» и «дроповод» в контекст способа совершения преступления как элемента криминалистической характеристики позволяет углубленно изучить механизмы функционирования современных преступных схем в киберпространстве. Способ совершения преступления, являясь ключевым элементом криминалистической характеристики, отражает последовательность действий преступников, средства и методы, используемые для достижения противоправной цели.

Роль «дропов» и «дроповодов» в способе совершения преступления заключается в организации и реализации многоступенчатых схем нелегального перевода и легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем. «Дропы» выступают непосредственными исполнителями, предоставляющими свои персональные данные, банковские счета и карты для проведения финансовых операций. «Дроповоды» же осуществляют подбор, инструктаж и контроль «дропов», координируя их действия и обеспечивая эффективность преступной деятельности.

Способ совершения преступления с участием данных субъектов характеризуется высокой степенью организованности и использованием технологий цифровой экономики. Преступники активно применяют анонимные сети, специализированные мессенджеры и криптовалюты для затруднения обнаружения и отслеживания их деятельности правоохранительными органами. Кроме того, используются методы маскировки операций, такие как «грей карта», имитирующая легитимную пользовательскую активность, и нелегальные SIM-карты для обеспечения анонимности коммуникаций.

Интеграция понятий «дроп» и «дроповод» в анализ способа совершения преступления позволяет сформировать целостное представление о механизме преступной деятельности, выявить закономерности и особенности, характерные для данного вида преступлений. Это, в свою очередь, способствует разработке эффективных методик расследования, направленных на выявление, документирование и доказывание противоправных действий участников преступных схем.

Совершенствование понятийно-категориального аппарата в области исследования способов совершения преступлений с участием «дропов» и «дроноводов» имеет важное практическое значение. Четкое определение и разграничение ролей данных субъектов позволяет более точно квалифицировать их действия в соответствии с уголовным законодательством, что является необходимым условием для привлечения виновных к ответственности.

Актуализация терминологии и дефиниций в сфере криминалистического исследования преступлений, совершаемых в киберпространстве, отражает динамику развития способов совершения преступлений и необходимость адаптации научных подходов к новым реалиям. Это повышает эффективность правоохранительной деятельности, обеспечивает более результативное противодействие современным преступным практикам и способствует укреплению правопорядка в условиях цифровизации.

Анализ способов совершения преступлений с участием «дропов» и операторов по легализации денежных средств является ключевым аспектом криминалистической характеристики данных преступлений. В процессе исследования, проведённого в период с 1 февраля по 1 июля 2024 г., был выявлен специфический понятийно-категориальный аппарат, используемый преступниками при осуществлении противоправных финансовых операций с использованием токенов «Криптокардс».

«Дропы» как номинальные участники финансовых операций играют существенную роль в механизме совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом денежных средств и их легализацией. Выявлены две основные категории «дропов»:

1. **«Неразводные» дропы**: данная категория включает лиц, которые осознают противоправный характер своей деятельности и действуют умышленно. Они самостоятельно вступают в контакт с организаторами преступных схем, предлагая свои банковские продукты (в основном банковские карты) для использования в нелегальных операциях. «Неразводные» дропы получают материальное вознаграждение за своё участие и характеризуются социально-экономическими признаками, такими как отсутствие постоянной занятости, стабильного дохода, наличие кредитных обязательств или зависимостей. Их участие позволяет организаторам преступлений создавать видимость легитимности финансовых транзакций и обходить механизмы финансового контроля.

2. **«Разводные» дропы**: эти лица вовлекаются в преступную деятельность без осознания её незаконности. Организаторы используют различные предлоги для получения доступа к их банковским счетам и картам. Наиболее распространённым методом является фиктивное трудоустройство: под видом официального найма гражданина просят оформить банковскую карту для перечисления заработной платы, привязать её к номеру телефона «работодателя» и передать карту или её реквизиты. В результате организаторы получают полный доступ к банковскому счёту «разводного» дропа, используемому впоследствии в преступных целях.

После первоначального этапа получения неправомерно присвоенных денежных средств на счета «дропов», преступная схема включает этапы, направленные на сокрытие происхождения этих средств и их интеграцию в легальную финансовую систему. Здесь ключевую роль играют следующие операторы по легализации средств:

1. **Ассимиляторы**: специализируются на вводе наличных денежных средств в финансовую систему. Получая наличные от организаторов или других «дропов», они вносят их на свои банковские счета и далее осуществляют переводы по указаниям организаторов. Деятельность ассимиляторов осложняет отслеживание денежных потоков, поскольку они вводят дополнительные звенья в цепочку финансовых операций.

2. **Маскировщики транзакций**: занимаются созданием сложных схем финансовых переводов с использованием различных инструментов и платформ, включая электронные кошельки, криптовалютные обменники и анонимные платёжные системы. Их цель – запутать пути движения денежных средств, затрудняя обнаружение истинного происхождения денег и идентификацию конечных бенефициаров.

Способ совершения преступления с участием «дропов» и операторов по легализации средств характеризуется использованием современных информационных технологий и специализированных методов, направленных:

– на **сокрытие цифровых следов**: применение анонимных сетей, VPN-сервисов, незарегистрированных SIM-карт («семечек») для обеспечения анонимности коммуникаций и действий в электронных системах банкинга;

– **имитацию легитимности операций**: использование программных скриптов и специальных алгоритмов для создания активности по банковским картам («грей карты»), что позволяет обходить автоматизированные системы мониторинга и контроля финансовых операций;

– **многоступенчатые финансовые операции**: разбиение крупных сумм на мелкие транзакции, проведение их через счета различных лиц («дропов», ассимиляторов, маскировщиков) с использованием разнообразных финансовых инструментов, что затрудняет установление связи между исходными преступными средствами и конечными получателями.

Интеграция понятий «неразводных» и «разводных» дропов, а также операторов по легализации средств в анализ способа совершения преступления позволяет детально характеризовать механизм криминальной деятельности и определить узловые точки для эффективного противодействия. Понимание ролей и функций

каждого участника преступной схемы способствует разработке специфических методик выявления, раскрытия и расследования данных преступлений.

«Дроповоды» занимают промежуточное положение между организаторами преступной деятельности и непосредственными исполнителями – «дропами». Их функции включают:

1. **Вербовку «дропов»**: «дроповоды» проводят активный поиск и привлечение лиц, готовых предоставить свои банковские счета и карты для использования в противоправных целях. Они обращаются к социально уязвимым группам населения, часто через объявления на теневых интернет-ресурсах, включая Darknet.

2. **Инструктаж и контроль**: после вербовки «дропов» «дроповоды» осуществляют их обучение, разъясняя методы и процедуры, необходимые для успешного выполнения преступных задач. Это включает инструктаж по конспиративным мерам, использованию анонимных технологий и выполнению финансовых операций.

3. **Координация деятельности**: «дроповоды» обеспечивают оперативное управление действиями «дропов» на локальном уровне, контролируя их взаимодействие с банковскими учреждениями и финансовыми платформами. Они выступают связующим звеном между «дропами» и организаторами, передавая указания и собирая отчеты о проделанной работе.

Способ совершения преступления с участием «дроповодов» характеризуется использованием современных цифровых технологий и методов конспирации:

– **Анонимные коммуникации**: применение зашифрованных мессенджеров, VPN-сервисов и анонимных сетей (например, Tor) для предотвращения идентификации и отслеживания коммуникаций между участниками преступной схемы.

– **Использование анонимных SIM-карт**: применение незарегистрированных SIM-карт («симки на подставное лицо») позволяет скрыть реальные номера телефонов, используемых для связи и получения уведомлений от банков.

– **«Грей карты»**: имитация легитимной активности по банковским картам «дропов» с целью обхода автоматизированных систем банковского мониторинга и предотвращения блокировки счетов.

Таким образом, в криминалистической характеристике современных финансовых преступлений с участием «дропов» и «дроповодов» особое внимание уделяется анализу способа их совершения, который представляет собой сложную и многоступенчатую схему. Начальным этапом является организация сети «дропов» посредством деятельности «дроповодов». Эти посредники проводят тщательный отбор кандидатов, формируя базу данных лиц, готовых предоставить доступ к своим банковским реквизитам. При выборе «дропов» учитываются факторы их надёжности и возможности контроля их действий, что обеспечивает эффективность последующих операций.

Следующий этап заключается в интеграции неправомерно полученных денежных средств в финансовую систему. Организаторы преступной деятельности переводят преступные доходы, полученные, например, в результате мошенничества, хищений или кибератак, на банковские счета заранее подготовленных «дропов». Это позволяет замаскировать источник происхождения средств и создать видимость легитимных финансовых операций.

После зачисления средств «дропы», действуя по инструкциям «дроповодов», осуществляют обналичивание полученных денег или перенаправляют их на другие счета, контролируемые преступной организацией. Для усложнения процесса отслеживания денежных потоков используются сложные цепочки транзакций, включающие нескольких «дропов» и дополнительные банковские счета. Такая практика, известная как «слоение» [18. С. 79], служит для запутывания финансовых операций и затруднения их анализа со стороны финансовых институтов и правоохранительных органов.

Совокупность этих действий формирует сложный и многоуровневый способ совершения преступления, нацеленный на максимальное затруднение работы правоохранительных органов по пресечению незаконной деятельности.

Введение в научный оборот специфических понятий «дроп», «дроповод», «неразводной дроп», «разводной дроп», а также в детальной характеристике их роли в механизме преступной деятельности. Это позволяет сформировать целостное представление о функционировании преступных схем и выявить закономерности, присущие данному виду преступлений.

Внедрение указанных понятий в криминалистическую теорию и практику имеет ряд преимуществ. Во-первых, унификация терминологии способствует единообразному пониманию и применению данных категорий среди ученых-криминалистов и практических работников правоохранительных органов. Это облегчает коммуникацию, обмен опытом и разработку общих подходов к выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Во-вторых, использование специфических понятий позволяет более точно отразить сущность и особенности рассматриваемых явлений, что повышает эффективность криминалистического анализа и прогнозирования.

В правоприменительной практике результаты исследования могут быть использованы для совершенствования методик расследования финансовых преступлений, совершаемых с участием «дропов» и «дроповодов». Знание специфики данных субъектов позволяет следователям-криминалистам более эффективно планировать и проводить следственные действия, направленные на установление всех обстоятельств преступления и выявление причастных лиц.

Следообразование. Преступные действия, совершаемые «дропами» и «дроповодами», неизбежно оставляют специфические цифровые следы, проявляющиеся в форме электронных финансовых транзакций, записей телефонных соединений и данных об интернет-активности. Криминалистический анализ этих следов позволяет установить связи между участниками преступных схем, проследить маршруты перемещения денежных средств и определить роль каждого участника в противоправной деятельности.

Эффективность исследования виртуальных следов напрямую зависит от понимания структуры и содержания данных, заключённых в них. Под структурой подразумевается формат данных или файлов, определяющий параметры их хранения и обработки. Содержание же представляет собой непосредственно информацию, извлекаемую при анализе различных цифровых носителей в процессе криминалистического исследования.

Разделение информации на эти категории требует детального изучения взаимосвязей между структурой и содержанием данных. Такой подход позволяет не только более эффективно классифицировать собранные сведения в ходе расследования преступлений, но и определить оптимальные методики их дальнейшего использования в доказательственном процессе.

В процессе криминалистического исследования преступной деятельности «дропов» и «дроповодов» особое значение приобретает анализ информационных следов, оставляемых в цифровой среде. Эти следы не только помогают установить механизм совершения преступления, но и являются ключевыми для идентификации участников и определения их роли в преступной схеме. Информационные следы в данном контексте можно классифицировать по их характеру и источнику, что способствует более эффективному их изучению и использованию в доказательственном процессе.

Во-первых, данные об операциях с файлами предоставляют ценные сведения о создании, модификации и удалении цифровых документов. Анализ этих данных позволяет установить последовательность действий пользователя или программного обеспечения, что имеет решающее значение для реконструкции событий и установления временных рамок преступной деятельности. Одновременно сведения об активности пользователей в сетях связи отражают взаимодействия в информационно-телекоммуникационных сетях, что может служить доказательством контактов между субъектами преступной деятельности или доступа к определённым ресурсам, используемым для совершения противоправных действий.

Во-вторых, значимый объем информации содержится в текстовых, аудио- и видеоматериалах. Текстовые файлы, такие как документы, сообщения и записи, могут содержать ключевые детали, относящиеся к расследуемому преступлению, включая планы, инструкции или переписку между участниками преступной группы. Содержимое видеофайлов предоставляет визуальные данные о событиях, местах или лицах, связанных с преступлением, что способствует идентификации участников и уточнению обстоятельств преступной деятельности. Аудиофайлы включают записи разговоров, звуковой фон и другие аудиоданные, которые могут быть полезны для установления фактов коммуникации между участниками, идентификации голосов и определения местонахождения.

В-третьих, графическая информация, представленная в виде изображений и других графических файлов, служит важным источником доказательств. Анализ метаданных фотографий позволяет получить информацию о времени и месте съёмки, а также об устройстве, с помощью которого было сделано изображение, что может подтвердить присутствие определённых лиц в конкретных местах и времени. Сравнение изображений помогает установить факты причастности к преступлению, сопоставляя внешность подозреваемых с материалами видеонаблюдения или другими визуальными доказательствами.

Комплексный подход к анализу этих категорий информационных следов, основанный на криминалистических методах, позволяет эффективно выявлять и фиксировать доказательства преступной деятельности «дропов» и «дроповодов».

Для размещения объявлений о найме «дропов» и «дроповодов» создаются специальные разделы на нелегальных платформах в теневом интернет-пространстве, обычно именуемые «Работа/Вакансии».

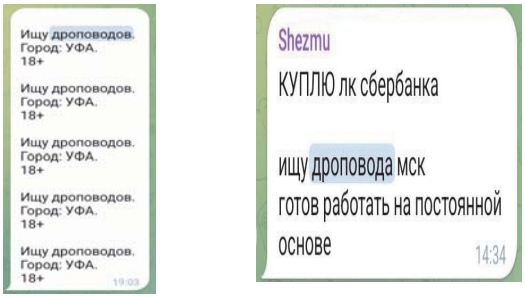

Рис. 1. Объявление о работе «дроповода»

Выявлено около пяти основных нелегальных платформ, используемых для организации дроп-сервисов, функционирующих в форме закрытых каналов в мессенджере Telegram и групп в социальной сети «ВКонтакте».

Анализ типовых условий найма «дроповодов» позволил выделить следующие характерные требования:

1. Наличие гарантийного депозита, размер которого в среднем составляет от 50 тыс. руб.

2. Осуществление сделок исключительно через посредников – гарантов площадки, выполняющих функцию арбитра.

3. Готовность к активной работе, ответственность и определённый уровень «порядочности» в рамках негласных правил.

4. Наличие собственной действующей сети «дропов».

Дроповоды принимают на себя обязательства по обеспечению возврата финансовых средств, замороженных на счетах «дропа», и организуют предоставление нелегальных SIM-карт для привязки банковских аккаунтов к новым телефонным номерам. Кроме того, они взаимодействуют с «спортсменами» или «спортиками», выполняющими функции силового воздействия для принудительного взыскания денежных средств с недобросовестных «дропов».

Анализ динамики цен на услуги «дропов» на примере карт Сбера показал, что с марта по ноябрь 2023 г. стоимость стандартных карт снизилась с 30 до 20 тыс. руб., а карт несовершеннолетних – с 12 до 7 тыс. руб. Это обусловлено усилением мер со стороны банка, направленных на сокращение количества «дропов» среди клиентов.

За одиннадцать месяцев 2023 г. на одном из популярных теневых форумов было создано свыше 6 000 объявлений, связанных с продажей и покупкой услуг «дропов». Высокая конкуренция стимулирует продавцов инвестировать в продвижение своих услуг и внедрять дополнительные меры по обеспечению сохранности денежных средств клиентов. Затраты на рекламу начинаются от 600 тыс. руб., а страхование от кражи средств «дропом» может достигать 50% от стоимости карт.

Наибольшей популярностью пользуются цифровые банки, такие как «Тинькофф», проявляющие большую лояльность к клиентам и позволяющие решать все вопросы дистанционно. Сбер также остается востребованным благодаря своей универсальности и масштабам деятельности. На рис. 2 представлен сравнительный рейтинг банков по степени их вовлеченности в деятельность «дропов».

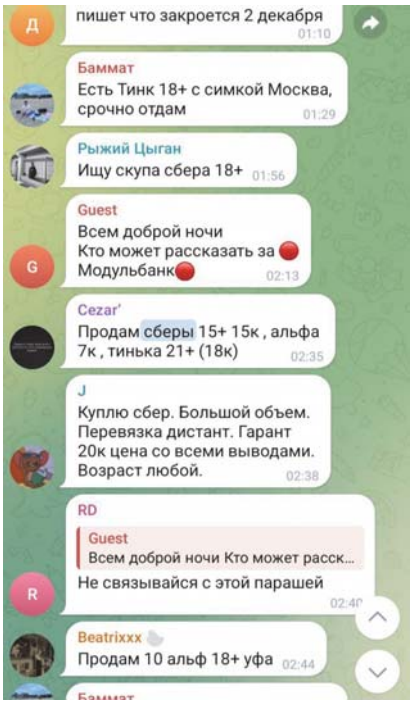

Рис. 2. Рейтинг банков по степени их вовлеченности в деятельность «дропов»

На основании вышеизложенной информации мы предлагаем ввести термин «цифровой криминалистический профиль “дропа” и “дроповода”», который обозначает совокупность характерных информационных следов, оставляемых этими субъектами в процессе их преступной деятельности в цифровой среде. Этот профиль включает в себя данные об операциях с файлами, сведения об активности в сетях связи, текстовые, аудио- и видеоматериалы, а также графическую информацию, связанную с противоправными действиями «дропов» и «дроповодов».

Формирование цифрового криминалистического профиля основывается на комплексном анализе информационных следов с применением специальных криминалистических методов и средств. Этот процесс предполагает выявление взаимосвязей между различными категориями данных, установление временных рамок и последовательности событий, а также идентификацию участников преступной деятельности. Полученный профиль служит основой для построения доказательственной базы и разработки тактики расследования преступлений, совершаемых «дропами» и «дроповодами».

Внедрение понятия «цифровой криминалистический профиль “дропа” и “дроповода”» в научный оборот и правоприменительную практику имеет существенное значение для развития криминалистической науки и повышения эффективности борьбы с преступностью в сфере информационных технологий. Этот термин позволяет систематизировать знания о специфике преступной деятельности данных субъектов, особенностях механизма следообразования в цифровой среде и методах исследования электронных доказательств.

Таким образом, следует отметить, что внедрение понятия «цифровой криминалистический профиль “дропа” и “дроповода”» в научный оборот и практическую деятельность правоохранительных органов представляет собой важный шаг на пути совершенствования методологических основ расследования преступлений в сфере информационных технологий.

Подводя итоги проведённого исследования, необходимо подчеркнуть, что в структуре криминалистической характеристики современных финансовых махинаций с участием «дропов» и «дроповодов» первостепенное значение имеет детальный анализ механизма их осуществления, представляющего собой сложную, многокомпонентную преступную схему. Инициальным этапом данной схемы выступает формирование сети «дропов» посредством целенаправленной деятельности «дроповодов», которые осуществляют идентификацию, отбор и вербовку индивидов, согласных предоставить свои банковские реквизиты для проведения незаконных финансовых операций. Последующие этапы включают интеграцию нелегально полученных доходов в официальную финансовую систему через переводы на счета «дропов» с последующим обналичиванием или перенаправлением средств на иные подконтрольные счета посредством сложных цепочек транзакций, что существенно затрудняет процесс финансового мониторинга и прослеживания денежных потоков.

В целях точного обозначения специфических субъектов и их функциональных ролей в преступной деятельности, в научный лексикон введены специализированные термины: «дроп», «дроповод», «неразводной дроп», «разводной дроп». Унификация и стандартизация данной терминологии способствуют формированию единого понятийного аппарата, что облегчает профессиональную коммуникацию и обмен опытом среди специалистов в области криминалистики. Это также позволяет более точно отразить сущностные характеристики и особенности исследуемых феноменов, повышая эффективность аналитических и исследовательских процессов в криминалистическом анализе.

Значимым научным достижением исследования является разработка и внедрение концепции «цифрового

криминалистического профиля «дропа» и «дроповода»». Данный профиль представляет собой совокупность характерных цифровых следов и информационных признаков, оставляемых этими субъектами в киберпространстве в процессе их противоправной деятельности. Формирование такого профиля базируется на комплексном анализе разнородных категорий цифровых данных с применением специализированных методов цифровой криминалистики и техники криминалистического исследования больших данных. Это служит фундаментом для построения обоснованной доказательственной базы и разработки тактически выверенных стратегий расследования.

Практическая ценность полученных результатов проявляется в потенциале их использования для совершенствования методик расследования финансовых преступлений, совершаемых посредством «дропов» и «дроповодов». Глубокое понимание и знание специфики их цифровых криминалистических профилей позволяет следственным органам более эффективно планировать и осуществлять следственные действия, направленные на полное установление всех обстоятельств преступления, идентификацию и изобличение причастных лиц, а также на пресечение деятельности подобных преступных сетей.

Систематизация и обобщение информации о механизмах функционирования данных преступных схем, особенностях коммуникации между участниками и методах конспирации «дропов» и «дроповодов» способствует разработке и внедрению превентивных мер противодействия данному виду криминальной активности. Это включает в себя разработку рекомендаций по усилению финансового контроля, совершенствованию законодательной базы и повышению уровня осведомленности населения о рисках, связанных с участием в таких противоправных действиях.

Перспективы дальнейших научных исследований в данном направлении связаны с углублённым изучением криминалистически значимых характеристик личности преступников, обстоятельств и механизмов совершения преступлений, а также специфики объектов преступных посягательств. Комплексный анализ этих аспектов позволит сформировать целостную криминалистическую характеристику преступлений, совершаемых с участием «дропов» и «дроповодов», и разработать научно обоснованные рекомендации и методики их эффективного выявления, раскрытия и расследования.

В заключение следует отметить, что внедрение в научный обиход понятия «цифровой криминалистический профиль “дропа” и “дроповода”», а также проведение детального анализа способов совершения преступлений и функциональной роли этих субъектов представляет собой существенный вклад в развитие теории и практики криминалистики. Это способствует совершенствованию правоприменительной деятельности в сфере противодействия преступности в цифровой среде, повышению эффективности расследования финансовых преступлений и укреплению системы обеспечения экономической и информационной безопасности.

Список источников

1. Антонов М.В. Теория государства и права : учеб. и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2024. 497 с
2. Абдулханнянов И.А. О полисемии понятия «фикция» в языке права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2 (54). С. 139–146.
3. Пучков В.О. Понятийно-терминологический аппарат юридической науки: генезис, функции, структура : дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 261 с.
4. Ефремова А.А. К вопросу о грамматическом способе толкования норм права и дефинициях в праве // Приоритетные направления развития науки и образования : сб. ст. XIV Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 12 сентября 2020 г. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. С. 75–77.
5. Широких А.Ю. Семантические, формально-языковые, контекстуальные характеристики терминологии юриспруденции и учебный дискурс // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2013. № 1 (30). С. 155–158.
6. Цуканова Е.В. Пространственная метафора в терминологии юриспруденции // Филология. 2020. № 3 (27). С. 45–47.
7. Цуканова Е.В. Образ-схема «пространство» как семантическое основание в терминообразовании (на материале русской терминологии юриспруденции) // Вестник Томского государственного педагогического университета. TSPU Bulletin. 2023. Вып. 4 (228). С. 35–42.
8. Кузовлева Г.В. Терминообразование юриспруденции и закон аналогии // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 2 (28). С. 29–31.
9. Яблоков Н.П., Александров И.В. Криминалистика : в 5 т. Т. 5: Методика расследования преступлений. М. : Юрайт, 2024. 243 с.
10. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. 210 с.
11. Сергеев Л.А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. 16 с.
12. Пантелеев И.Ф. Методика расследования преступлений. М., 1975. 46 с.
13. Каневский Л.Л. К вопросу о криминалистической характеристике преступления, криминальных и следственных ситуациях и их значении в раскрытии и расследовании преступлений // Следственная ситуация : сб. науч. тр. М., 1984. С. 61–65.
14. Возгрин И.А. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Л., 1976. 210 с.
15. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : НОРМА, 2001. 240 с.
16. English for Lawyers : учеб. пособие / А.С. Беляев, Е.В. Волгина, Н.В. Лазовская. Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2024. 106 с.
17. Гордеев Д.С. Легализация (отмывания) денежных средств (на примере использования «дропов», «заливов на карту») // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты : сб. науч. ст. Междунар. науч.-теоретической конф. курсантов, слушателей и студентов, проводимой в рамках I Санкт-Петербургского международного молодежного научного форума «Северная Пальмира: территория возможностей», Санкт-Петербург, 30 ноября 2021 г. / сост.: Е.А. Маркова, Т.В. Колпакова. СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 556–560.
18. Родионов А.Д., Мельникова Е.Ф. Аспекты уголовно-правовой ответственности «дропов» // Право и образование. 2024. № 9. С. 77–84.

References

1. Antonov, M.V. (2024) *Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. i praktikum dlya vuzov* [Theory of State and Law: Textbook and Workbook for Universities]. Moscow: Yurait.
2. Abdulkhannyanov, I.A. (2021) O polisemii ponyatiya "fiktsiya" v yazyke prava [On the polysemy of the concept of "fiction" in the language of law]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 2 (54). pp. 139–146.
3. Puchkov, V.O. (2022) *Ponyatino-terminologicheskii apparat yuridicheskoy nauki: genezis, funktsii, struktura* [Conceptual and terminological apparatus of legal science: genesis, functions, structure]. Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
4. Efremova, A.A. (2020) [On the grammatical method of interpreting legal norms and definitions in law]. *Prioritetnye napravleniya razvitiya nauki i obrazovaniya* [Priority directions for the development of science and education]. Proceedings of the XIV International Conference. Penza. 12 September 2020. Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G.Yu.). pp. 75–77. (In Russian).
5. Shirokikh, A.Yu. (2013) Semanticheskie, formalno-yazykovye, kontekstualnye kharakteristiki terminologii yurisprudentsii i uchebnyy diskurs [Semantic, formal-linguistic, contextual characteristics of jurisprudence terminology and educational discourse]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya*. 1 (30). pp. 155–158.
6. Tsukanova, E.V. (2020) Prostranstvennaya metafora v terminologii yurisprudentsii [Spatial metaphor in the terminology of jurisprudence]. *Filologiya*. 3 (27). pp. 45–47.
7. Tsukanova, E.V. (2023) Obraz-skhema "prostranstvo" kak semanticheskoe osnovanie v terminoobrazovanii (na materiale russkoy terminologii yurisprudentsii) [The "space" image schema as a semantic basis in term formation (based on Russian jurisprudence terminology)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 4 (228). pp. 35–42.
8. Kuzovleva, G.V. (2015) Terminoobrazovanie yurisprudentsii i zakon analogii [Term formation in jurisprudence and the law of analogy]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. 2 (28). pp. 29–31.
9. Yablokov, N.P. & Aleksandrov, I.V. (2024) *Kriminalistika: v 5 t.* [Criminalistics: in 5 vols]. Vol. 5. Moscow: Yurait.
10. Kolesnichenko, A.N. (1967) *Nauchnye i pravovye osnovy rassledovaniya otdelnykh vidov prestuplenii* [Scientific and legal foundations for the investigation of certain types of crimes]. Abstract of Law Dr. Diss. Kharkov.
11. Sergeev, L.A. (1966) *Rassledovanie i preduprezhdenie khishcheni, sovershaemykh pri proizvodstve stroitelnykh rabot* [Investigation and prevention of thefts committed during construction works]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
12. Panteleev, I.F. (1975) *Metodika rassledovaniya prestupleniy* [Methods of crime investigation]. Moscow.
13. Kanevskiy, L.L. (1984) K voprosu o kriminalisticheskoy kharakteristike prestupleniya, kriminalnykh i sledstvennykh situatsiyakh i ikh znachenii v raskrytii i rassledovanii prestuplenii [On the issue of the forensic characteristics of a crime, criminal and investigative situations and their significance in the disclosure and investigation of crimes]. In: *Sledstvennaya situatsiya: Sb. nauch. tr.* [Investigative situation. Collectiom of articles]. Moscow. pp. 61–65.
14. Vozgrin, I.A. (1976) *Obshchie polozheniya metodiki rassledovaniya otdelnykh vidov prestupleniy* [General provisions of the methodology for investigating certain types of crimes]. Leningrad.
15. Belkin, R.S. (2001) *Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossiyskoy kriminalistiki* [Criminalistics: problems of today. Pressing issues of Russian criminalistics]. Moscow: NORMA.
16. Belyaev, A.S., Volgina, E.V. & Lazovskaya, N.V. (2024) *English for Lawyers: ucheb. posobie* [English for Lawyers: textbook]. Saratov: Saratov State Law Academy.
17. Gordeev, D.S. (2022) Legalizatsiya (otmyvaniya) denezhnykh sredstv (na primere ispolzovaniya "dropov", "zalivov na kartu") [Legalization (laundering) of funds (on the example of the use of "drops", "card transfers")]. *Bezopasnost lichnosti, obshchestva i gosudarstva: teoretiko-pravovye aspekty* [Security of the individual, society and the state: theoretical and legal aspects]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg, 30 November 2021. St. Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. pp. 556–560. (In Russian).
18. Rodionov, A.D. & Melnikova, E.F. (2024) Aspekty ugolovno-pravovoy otvetstvennosti "dropov" [Aspects of criminal liability of "drops"]. *Pravo i obrazovanie*. 9. pp. 77–84.

Информация об авторах:

Бореншtейн А.Л. – канд. юрид. наук, доцент кафедры административного и трудового права Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия). E-mail: annalbor@yandex.ru

Кухарев Ю.С. – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия). E-mail: yurij.kuharev@yandex.ru

Балашов К.Г. – помощник адвоката Адвокатской конторы Краснoперекопского района г. Ярославля (Ярославская областная коллегия адвокатов) (Ярославль, Россия). E-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.L. Borenstein, Cand. Sci. (Law), associate professor, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: annalbor@yandex.ru

Y.S. Kukharev, senior lecturer, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: yurij.kuharev@yandex.ru

K.G. Balashov, lawyer's assistant, Law Office of Krasnoperekopsky District of Yaroslavl (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.12.2024;
одобрена после рецензирования 07.03.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 28.12.2024;
approved after reviewing 07.03.2025; accepted for publication 31.03.2025.